

ВЕЛИКИЕ ПРАВИТЕЛИ

Если бы существовала единица измерения беспринципности, то ее эталон хранился бы в Парижской палате мер и весов и называлась бы эта единица — 1 Талейран (1 Тл). Изощренный ум, беспринципность, изворотливость, обман как средство достижения нужных целей... Так характеризовали Талейрана современники и историки — и они были правы.

Но оставим даже в стороне тот факт, что вершителю судеб Европы и мира во времена Талейрана, были далеко не ангелами. И патриотизм... Талейран никогда не был патриотом Франции, он был патриотом власти и денег. И тем не менее его расчетливость и корыстолюбие принесли Франции большие пользы — реальной пользы, — чем вместе взятый патриотизм самых патриотично настроенных патриотов.

Взять хотя бы Венский конгресс. Диспозиция перед ним: Франция побеждена, унижена и ждет, каким образом победители решат ее судьбу и судьбу остальной Европы. И после конгресса: Франция снова в игре, и великие державы выступают на ее стороне. Волшебство, фокус, удивительное явление природы, благоприятное сочетание небесных светил? Нет, тонкая и умная работа, гениальная постановка, режиссером которой был он — Талейран. А ведь Венский конгресс — далеко не единственная его дипломатическая победа.

Так что не спешите хулить Шарля Мориса де Талейрана-Перигора. Он продавался и умел продавать, но при этом делал то, что должен был делать, — отстаивал интересы своей страны. И делал это хорошо, великолепно, возможно даже лучше, чем кто-либо другой за всю историю человечества...

Шарль Морис де Талейран-Перигор
(1754—1838)

Шарль Морис де Талейран

ЖИЗНЬ БЕЗ МОРАЛИ.
Мемуары дипломата

Москва, 2020

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Прозвище «отец лжи» давно и прочно прикрепило
к Шарлю Морису де Талейрану-Перигору.
Его имя стало нарицательным: Талейраном в мире большой политики
называют человека беспринципного, лицемерного,
мастера плести хитроумные сети интриг.
Выходит, до него все политики и дипломаты были людьми
исключительно честными и порядочными?
И только Талейран научил их лживости?..
А меж тем, Талейран был откровенен
и никогда не пытался изобразить из себя святого.
«Я всегда, — писал этот знаменитый дипломат, —
был человеком, наиболее в моральном отношении дискредитированным,
какой только существовал в Европе за последние сорок лет,
однако я всегда был либо всемогущим у власти,
либо накануне возвращения к власти».

Примерно также следует подходить и к «Мемуарам» Талейрана.
Воспоминания дипломата — не истина в последней инстанции
и чаще всего не истина вообще.

Автор говорит далеко не все и не про всех.
«Дипломат трижды подумает даже перед тем, как ничего
не сказать», — в этой известной шутке очень мало от шутки.

И не всегда, скажем мягко, Талейран точен в фактах.
Но при этом «Мемуары» Талейрана — бесценный документ
об одной из величайших эпох в истории европейской цивилизации
от одного из главных творцов этой эпохи.

Калека от рождения; заядлый картежный игрок и не менее заядлый
коррупционер; один из самых умных министров иностранных дел,
которых знает история; талантливый интриган и безупречно
аморальный политический деятель; человек, обладавший не только
изворотливым умом, но и редкостным политическим чутьем.
Вот кем был автор и главное действующее лицо этой книги.

И трудно не согласиться с мнением
классика отечественной историографии Е. В. Тарле:
«Без этих мемуаров не может обойтись ни один историк Франции эпохи
конца Старого режима, революции, империи, Реставрации,
Июльской революции, монархии Луи-Филиппа,
так же как ни один историк европейской дипломатии
в этот период...»

СОДЕРЖАНИЕ

Е. В. Тарле. ТАЛЕЙРАН. БИОГРАФИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Князь Талейран-Перигор своей личностью и своей исторической ролью всегда повелительно приковывал к себе внимание исследователей...

11

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТАЛЕЙРАН ПРИ «СТАРОМ ПОРЯДКЕ» И РЕВОЛЮЦИИ

18

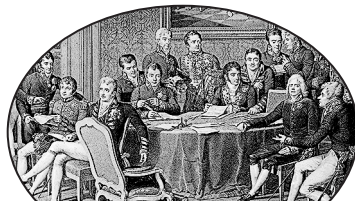
Фигура князя Талейрана в памяти человечества высится в том ограниченном кругу людей, которые если и не направляли историю по желательному для них руслу (как это долго представлялось историкам идеалистической и, особенно, так называемой «героической» школы), то являлись характерными живыми олицетворениями происходивших в их эпоху великих исторических сдвигов.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТАЛЕЙРАН ПРИ КОНСУЛЬСТВЕ И ИМПЕРИИ

Что такое была для Талейрана наполеоновская империя? Блеск и неслыханная роскошь придворной жизни... положение министра, служащего самодержавному и могущественнейшему владыке богатейших и культурнейших в мире земель и народов... Пресмыкающиеся перед ним, Талейраном, короли, королевы, герцогини, великие герцоги, курфюрсты; непрерывная лесть, раболепное преклонение, заискивание со стороны бесчисленных коронованных и некоронованных вассалов; и — золото, золото, золото, бесконечным потоком льющееся в его карманы.

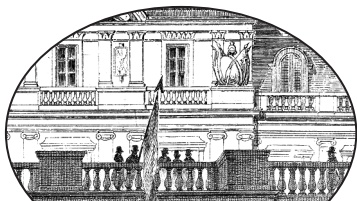
56

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТАЛЕЙРАН ПРИ РЕСТАВРАЦИИ

91

Талейран проявил здесь в полном блеске свои огромные дипломатические способности. Он во всю остальную жизнь всегда указывал на Венский конгресс как на то место, где он упорно отстаивал — и отстоял — интересы своего отечества от целого полчища врагов, и притом в самых трудных, казалось, безнадежных, обстоятельствах, в каких только может очутиться дипломат: не имея за собою в тот момент никакой реальной силы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ТАЛЕЙРАН ПРИ ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ

112

В первые же дни нового царствования обнаружилось, что хотя только что победившая Июльская революция была окончательной и уж самой бесспорной победой буржуазии над аристократией, но что есть на свете один аристократ, самый подлинный и чистокровный, без которого ни в каком случае торжествующая буржуазия не может обойтись: это был все тот же князь Талейран-Перигор...

МЕМУАРЫ

ПЕРВАЯ ГЛАВА (1754—1791 ГОДЫ)

128

Предки Талейрана и его детство.— Госпожа Шале.— Талейран поступает в коллеж Гаркура в Париже.— Знакомство с Шуазелем-Гуфье.— Переезд в Реймс.— Семинария Св. Сульпиция.— Два года в Сорбонне.— Талейран поселяется в Бельшассе.— Его друзья и разговоры о политике и международном положении.— Революция и решение Талейрана не покидать Францию.

ВТОРАЯ ГЛАВА (1791—1808 ГОДЫ)

183

Положение королевской власти в первые годы Революции.— Талейран уезжает в Лондон.— Талейран решает, остаться ли ему в Англии или вернуться во Францию и выбирает... Соединенные Штаты.— Путешествие по внутренним районам Соединенных Штатов.— Встреча с Александром Гамильтоном; разговоры и дискуссии с ним.— Декрет Конвента, разрешающий Талейрану вернуться во Францию.— Возращение в Париж.— Первое знакомство с Наполеоном Бонапартом.— Талейран становится министром иностранных дел Франции.— Свержение Директории: переворот 18 брюмера.— Амьенский мир.— Послание Папы Римского о переходе Талейрана в светское состояние.— Внешние и внутренние дела Бонапарта и Талейрана.— Талейран подает в отставку с поста министра.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА. ЭРФУРТСКОЕ СВИДАНИЕ (1808 ГОД)

245

Судьба Молдавии и Валахии.— Переговоры канцлера Румянцева и французского посла Коленкура.— Наполеон предлагает Талейрану отправиться вместе с ним в Эрфурт.— Проект соглашения между двумя императорами, предложенный Талейраном.— Прибытие Талейрана в Эрфурт.— Прибытие императоров.— Встреча Наполеона и Гете.— Спектакли Французской комедии в Эрфурте.— Разговор Наполеона и немецкого поэта Кристофа Мартина Виланда.— Наполеон рассказывает Талейрану о своем намерении развестись с Жозефиной.— Последний день в Эрфурте.— Договор, подписанный в Эрфурте.

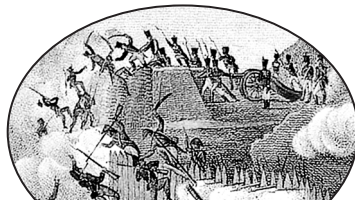

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.
(1809—1813 ГОДЫ)

288

Талейран не участвует в политической деятельности императора, но остается в курсе дел.— Выбор новой императрицы и соображения Талейрана на этот счет.— Созданные Наполеоном государства и их правители.— Испанские дела.— Непростые отношения Наполеона и Католической Церкви.— Церковные совет, созданный в 1809 году.— Церковная комиссия.— Статьи, принятые Папой.— Собор епископов в соборе Нотр-Дам и его решения.— Примирение Наполеона и Папы Пия VII.— Папа возвращается в Рим.

ПЯТАЯ ГЛАВА.
ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ.
РЕСТАВРАЦИЯ.
(1813—1814 ГОДЫ)

347

Утомление Франции от Наполеона.— Неиспользованные возможности императора.— Подозрительность Наполеона по отношению к Талейрану.— Наполеон, по мнению Талейрана, составляет заговоры против самого себя.— Кампания 1813—1814 годов.— Причины, склонившие Талейрана стать сторонником Реставрации.— Союзные войска вступают в Париж.— Встреча Александра I и Талейрана.— Низложение Наполеона.— Талейран становится главой временного правительства.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.
ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС.
(181—1815 ГОДЫ)

379

Талейран прибывает в Вену.— Совещание дипломатов накануне Конгресса.— Притязания Пруссии.— Аудиенция у саксонского короля.— Соглашения по Италии, Швейцарии и Нидерландам.— Успехи Франции на Венском конгрессе.

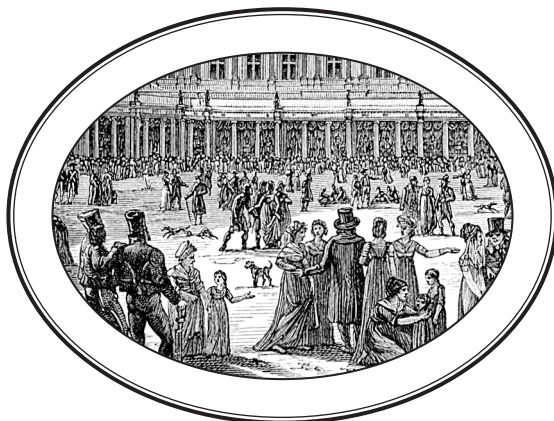
СЕДЬМАЯ ГЛАВА.
ВТОРАЯ РЕСТАВРАЦИЯ.
(1815 ГОД)

393

Талейран прибывает в Бельгию и узнает об исходе битвы при Ватерлоо.— Донесение королю.— Положение Франции в 1814 году.— Позиция Франции по отношению к Пруссии и Саксонии.— Франция добивается дипломатических успехов благодаря Талейрану.

ВВЕДЕНИЕ

*К*нязь Талейран-Перигор своей личностью и своей исторической ролью всегда повелительно приковывал к себе внимание исследователей. Особенно оживился интерес к нему в исторической литературе именно после мировой войны и Версальского мира. Этот интерес не случаен. Он имеет совершенно определенные основания. Талейрана считали и называли всегда величайшим мастером дипломатического искусства, «королем дипломатов», а главное — пионером и основоположником новейшего дипломатического творчества, новых методов и приемов дипломатии. Раньше чем перейти к рассказу о жизни и характерных свойствах этого человека, остановимся на вопросе: каково было отличие новой, талейрановской дипломатии от традиционной деятельности его предшественников, старых виртуозов этого искусства? В немногих словах это отличие может быть охарактеризовано так: Талейран был дипломатом начинавшейся эпохи буржуазного владычества, эпохи победоносного наступления капитала и крушения феодально-дворянского строя, и именно Талейран первый уловил, в каком направлении следует видоизменить старые дипломатические навыки.

Следует сказать, что новая история дипломатии начинается, в сущности, лишь с XIV—XVI столетий, с образования и постепенного усиления больших «национальных» монархий, когда впервые стали возможны крупные внешние столкновения между державами. Во времена мелких феодальных драк между помещиками-государями раннего Средневековья дипломатии в точном смысле слова почти не существовало. Полная фактическая независимость феодалов от призрачной королевской или императорской власти превращала Европу в Средние века (до XV—XVI столетий) в конгломерат из нескольких тысяч карликовых «государств», непрерывно ссорившихся, мирившихся, снова дравшихся, снова мирившихся, и все это с непосредственной целью урвать лишний кус земли, или ограбить соседний замок, или угнать скот, принадлежащий чужой деревне.

В XVI—XVII веках, когда буржуазия стала уже постепенно поднимать голову и кое-где (в Голландии, потом в Англии) определенно влиять на дела, когда широко развернулась погоня европейских держав за заморскими богатыми странами, когда захват и раздел Америки, Индии, Индонезии стал на очередь

дня, — искусная дипломатия как средство подготовки войны в наиболее выгодных условиях сделалась могущественным орудием успеха для любого из соперничавших государств.

Но именно на истории дипломатии этих последних предреволюционных столетий мы наблюдаем любопытнейшее подтверждение справедливости старинного изречения о том, что часто «мертвый хватает живого», что старые навыки далеко не сразу уступают место новым приемам и что иной раз основные условия работы давно уже изменились, а работающие не хотят или не в состоянии этого понять.

Возьмем наиболее ярких представителей старорежимной дипломатии. Если исключить гениального шведа, канцлера первой половины XVII века Акселя Оксеншерну*, — то что нас поражает и в Шуазеле**, французском министре середины XVIII столетия, и в графе Верженне***, и в талантливом австрийском канцлере Каунице****, не говоря уже о людях средних? Все они, руководители политики великих держав, сплошь и рядом ведут себя как прежние майордомы, «палатные мэры», или как добрые, бравые, рачительные приказчики одного из бывших феодалов-помещиков. Понимание постоянных, длительно действующих исторических потребностей государства им почти всегда чуждо. Это люди сегодняшнего дня и сегодняшних капризов и настроений их повелителя. И вместе с тем слова «двор» и «правительство» для них всегда и во всех отношениях совпадают так же, как слова «двор» и «государство». Они служат абсолютному монарху, но лишь постольку, поскольку сам этот абсолютный монарх служит дворянству, аристократической, крупноземлевладельческой верхушке. Горе ему, если он попробует хотя бы робко отклониться от этой линии! Когда Иосиф II, император Австрийский, вздумал только коснуться крепостного права, его дипломаты предали и продали его. Когда глава португальского правительства министр Помбаль***** попробовал проводить прежние буржуазные антифеодалные реформы, португальские дипломаты за его спиной стали подкапываться под его политику и прозрачно намекать и англичанам и испанцам, что хорошо бы сократить слишком ретивого реформатора. Внешняя политика дипломатии в этой отрасли государственной службы попала в прочное потомственное и вполне монопольное обладание к аристократическим родам; их представители, естественно, смотрели на эту монополию как на незаменимое средство поддерживать интересы своего класса всеми могущественными силами государственной внешней политики.

* Аксель Оксеншерна (1583—1654) — выдающийся шведский государственный деятель, дипломат, соратник короля Густава II Адольфа. (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания редакции.)

** Этьен Франсуа де Шуазель (1719—1785) — французский государственный деятель и дипломат эпохи Просвещения.

*** Шарль Гравье, граф де Верженн (1719—1787) — французский государственный деятель и дипломат, государственный секретарь по иностранным делам при Людовике XVI.

**** Венцель Антон Доминик Кауниц-Ритберг (1711—1794) — выдающийся австрийский государственный деятель, глава внешнеполитического ведомства Священной Римской империи во второй половине XVIII в.

***** Себастьян Жозе Помбаль (1699—1782) — португальский государственный деятель, фактический правитель Португалии при короле Жозе I (третья четверть XVIII в.), один из наиболее ярких представителей просвещенного абсолютизма.

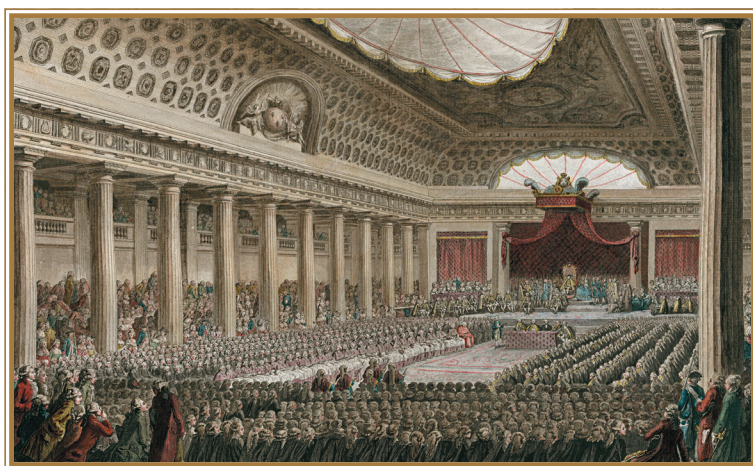
Шарль Морис де Талейран-Перигор в молодости.
Миниатюра. 1790-е гг.

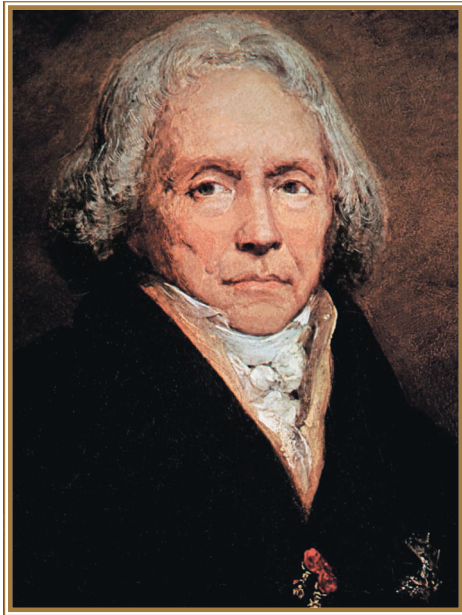
Герб Шарля Мориса де Талейрана-Перигора

Антуан Франсуа Калле.
Портрет Людовика XVI. 1779 г.

Открытие Генеральных штатов в Версале 5 мая 1789 года.
Гравюра. Конец XVIII в.

Ари Шеффер.
Шарль Морис де Талейран-Перигор на склоне лет.
1828 г.

Эжен Делакруа.
Автопортрет. Около 1840 г.